

Михаил Владимирович Ковалев

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект 32А / старший научный сотрудник, Архив РАН, Москва, Россия. 117218, Новочеремушкинская ул., 34. E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Венгерский византист Дюла Моравчик и советская историческая наука

Венгерский византист Дюла Моравчик (1892–1972) на протяжении жизни был тесно связан с российской и советской исторической наукой. Статья посвящена реконструкции его взаимоотношений с советскими историками после Второй мировой войны (вторая половина 1940-х — начало 1970-х годов). Были обрисованы истоки формирования этих контактов, объяснены причины интереса Моравчика к творчеству ученых из СССР. В статье показано, что прямое влияние на динамику контактов оказывали политические процессы. На конкретных примерах продемонстрированы основные пути интеллектуальных взаимодействий. Венгерский ученый оказывал советским коллегам информационную поддержку, помогал ориентироваться в зарубежной историографии, способствовал публикации работ советских ученых в Венгрии, а венгерских — в СССР. Творчество Моравчика получило множество благожелательных откликов в СССР, а сам он внимательно следил за советской научной литературой. В статье обрисован круг советских ученых, с которыми у Моравчика установились наиболее близкие и крепкие отношения (Б. Т. Горянов, Е. А. Косминский, Г. Г. Литаврин, Н. В. Пигулевская, З. В. Удальцова и др.), показано, что Моравчик выступал поборником развития международных научных связей и пропагандистом достижений российского и советского византиноведения. Он всегда разделял науку и политику, а потому драматические повороты истории XX в. не смогли поколебать его позитивное и уважительное отношение к российской и советской исторической науке. Несмотря на то, что далеко не все возможности сотрудничества Моравчика с советскими учеными удалось реализовать, их результаты следует признать успешными.

Ключевые слова: историография, международные научные связи, история византиноведения, «Византийский временник», советско-венгерские научные связи, коммуникативное поле науки

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Советско-венгерские научные связи в сфере гуманитарных наук: канал коммуникаций, интеллектуальное присутствие, трансфер идей (1945–1991)», № 21-59-23002 РЯИК_a.

Цитирование: *Ковалев М.В.* Венгерский византинист Дюла Моравчик и советская историческая наука // *Центральноевропейские исследования.* 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 56–90. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.3.

Византинист Дюла Моравчик (1892–1972) принадлежал к числу тех венгерских ученых, кто на протяжении едва ли не всей жизни был тесно связан с российской и советской наукой. Интерес к ней возник еще в пору обучения в Коллегиуме имени Йозефа Этвёша при Будапештском университете в 1910–1914 гг., когда Моравчик под влиянием своего учителя Золтана Гомбоца (1877–1935) увлекся историей Византии и евразийских кочевников, а равно раннесредневековой венгерской историей. Обойти стороной работы российских ученых при изучении данных проблем казалось едва ли возможным. Вовлеченность в российский контекст усилилась личными обстоятельствами, как ни парадоксально, связанными с Первой мировой войной.

В начале 1915 г. Моравчик был призван в австро-венгерскую армию, отправлен на фронт в Галицию, где и попал в русский плен¹. Венгерских солдат и офицеров зачастую отправляли подальше от западных границ Российской империи — в Туркестан или Сибирь. Так Моравчик оказался в Красноярске. Условия содержания военнопленных были либеральными, и молодой венгр использовал свободное время для изучения русского языка, которым овладел на очень высоком уровне, а также для знакомства с российской научной литературой. Пребывание в плену не отвратило его от России. Напротив, оно сделало его горячим поклонником загадочного русского мира, дало возможность прикоснуться к «откровениям русского духа, который, несмотря на все его темные стороны, источает нечто более глубоко духовное — стремление к внутренней истине»². Труды российских ученых также стали для Моравчика важными интеллектуальными ориентирами. В письме археологу Александру Петровичу Калитинскому (1879–1946) в 1930 г. Моравчик подчеркнул эту связь: «Я связан узко с русской наукой»³.

После возвращения на родину из Советской России летом 1920 г. карьера Моравчика развивалась поступательно. Невзирая на некоторые трудности, он довольно быстро добился авторитета в научном

¹ Harmatta 1994: 7–8.

² Moravcsik 1926: 578.

³ Д. Моравчик — А.П. Калитинскому, Будапешт, 27 июня 1930 г., см.: OD ÚDU. F. AINPK. KI–14, Moravcsik Gy.

мире. 11 мая 1934 г. Моравчик был избран членом-корреспондентом Венгерской академии наук. Признание его научных заслуг вышло далеко за пределы родной Венгрии. Он вел обширную переписку с коллегами в разных странах, участвовал в международных конференциях, в том числе в конгрессах византинистов в Софии (1934) и Риме (1936). В 1920–1930-е годы в системе его научных контактов важное место отводилось русским ученым-эмигрантам. Моравчик регулярно обменивался информацией, обсуждал научные проблемы с Андреем Николаевичем Грабаром (1896–1990), Александром Александровичем Васильевым (1867–1953), Георгием Владимировичем Вернадским (1887–1973), Николаем Львовичем Окуновым (1885–1949), Георгием Александровичем Острогорским (1902–1976), Дмитрием Александровичем Расовским (1902–1941) и др. Он тесно взаимодействовал с Семинарием (впоследствии — Археологическим институтом) им. Н. П. Кондакова, созданным в Праге в 1925 г.⁴

В то же время Моравчик следил за исторической наукой в СССР. Известно, например, что в мае 1939 г. он осведомился у русского пражанина Д. А. Расовского, нет ли в распоряжении Кондаковского института недавно изданной работы Михаила Илларионовича Артамонова (1898–1972) «Средневековые поселения на Нижнем Дону (по материалам Северо-Кавказской экспедиции)»⁵. Увы, о прямых контактах Моравчика с учеными из СССР в межвоенный период сохранилось мало свидетельств, к тому же они обрывочны. Приведем пример краткого эпистолярного общения с Федором Ивановичем Успенским (1845–1928) в 1928 г., незадолго до смерти этого выдающегося византиниста⁶. Известно также о письме Владимира Николаевича Бенешевича (1874–1938) Моравчику от 16 марта 1937 г., из текста которого вырисовывается, что ученые были знакомы и ранее⁷. Письмо было написано в трагический для Бенешевича год: 27 ноября 1937 г. его арестовали, спешно судили по надуманному обвинению, приговорив к расстрелу. Отсутствие развитых связей

⁴ См. подробнее: Ковалев 2017.

⁵ Д. Моравчик — Д. А. Расовскому, Будапешт, 20 мая 1939 г., см.: OD ÚDU. F. AINPK. KI–14. Moravcsik Gy.

⁶ Д. Моравчик — Ф. И. Успенскому, Будапешт, 24 января 1928 г., см.: ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 230. Л. 1–2.

⁷ В. Н. Бенешевич — Д. Моравчику, Ленинград, 16 марта 1937 г., см.: МТАК. Ms. 1233/42.

Моравчика с советскими учеными не выглядит удивительным в контексте межвоенного периода. Советская Россия и хортистская Венгрия смотрели друг на друга как на идеологических противников. Даже после установления дипломатических отношений 4 февраля 1934 г. взаимное межгосударственное недоверие сохранялось. Оттого научные контакты были случайными и эпизодическими. Не существовало даже налаженного книгообмена. Кроме того, не будем забывать, что византиноведение, которое было главной сферой научных интересов Моравчика, переживало в СССР весьма трудное время. Оно было объявлено реакционным и идеологически чуждым. Многие ученые, работавшие в этом направлении, либо оказались в эмиграции, либо стали жертвами репрессий. В 1928 г. прекращено издание знаменитого «Византийского временника»⁸.

Вторая мировая война, в которой Венгрия выступила союзницей нацистской Германии, привела к разрыву многих прежних международных научных контактов Моравчика. К счастью, он и его семья сравнительно благополучно пережили войну, хотя и не без материальных потерь. Во время ожесточенных боев за Будапешт в начале 1945 г. сильно пострадала квартира ученого и лишь по счастливой случайности его библиотека и рабочие материалы уцелели⁹. Сразу после войны Моравчик начал восстановление прежних научных контактов. Старый знакомый, русский ученый-эмигрант Г. А. Острогорский, написал ему из Белграда 21 февраля 1946 г., поделившись мыслями о путях развития послевоенного византиноведения и рассказав о судьбах коллег:

Слышали ли Вы, что «Византийский Временник» снова начинает выходить в Москве? *Byzantinoslavica* в Праге тоже возобновляется. *Grégoire* все еще в Америке и там издает *Byzantion*. Васильев, Вернадский и Толль благополучны, а Ростовцев, к сожалению, очень болен. Имел я тоже несколько писем из Франции. Диль умер в конце [19]44 г., остальные же французские коллеги благополучны¹⁰.

Упоминание «Византийского временника» не случайно. Вероятно, не без влияния Острогорского Моравчик 1 марта 1946 г. отправил

⁸ См. подробнее: Иванов: 1995.

⁹ Д. Моравчик — А. В. Флоровскому, Будапешт, 2 января 1948 г., см.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 320. Л. 4 об.—5.

¹⁰ Г. А. Острогорский — Д. Моравчику, Белград, 21 февраля 1946 г., см.: МТАК. Ms. 1233/704.

письмо в Москву на имя академика Евгения Алексеевича Косминского (1886–1959)¹¹. В этом письме он предложил научное сотрудничество и запросил несколько советских изданий, давно интересовавших его. Косминский как раз возглавил группу по истории Византии при Институте истории АН СССР. Именно с этого эпизода начался новый этап развития научных контактов Моравчика, ориентированных на советских ученых и советскую историческую науку. Эти контакты заслуживают пристального внимания не только в контексте биографии ученого, но и в связи с историей советско-венгерских научных связей вообще, а также в свете международных интеллектуальных коммуникаций эпохи холодной войны.

Косминский ответил 12 июня 1946 г., высказав пожелание развивать связи и наладить обмен литературой. Одновременно он попросил Моравчика или кого-нибудь из его коллег написать для «Византийского временника» отчет о развитии византиноведения в Венгрии за последние 10 лет¹². Моравчик с энтузиазмом взялся за составление обзора и направил его в Москву. Несмотря на проблемы с почтовой связью и порожденные ею временные коммуникационные перерывы, Косминский очерк получил и обещал напечатать его во II (XXVII) томе «Византийского временника»: «Этот обзор представляет для нас большой интерес, так как дает нам представление о большой научно-исследовательской работе, которую ведут венгерские ученые в области византиноведения»¹³. По мысли советского академика, подобные литературные обзоры должны содействовать развитию связей между учеными разных стран. «Византийский временник» в то время явно позиционировал себя как международное издание.

Моравчик с огромным интересом следил за возрождением византийских исследований в СССР, свидетельством чего являются его рецензии на советские издания. Показателен его отзыв на «Византийский сборник», вышедший в 1945 г. Моравчик с особым вниманием

¹¹ К сожалению, в личном фонде Косминского в Архиве РАН писем от Моравчика не сохранилось. Об указанном письме мы узнаем из ответа советского академика от 12 июня 1946 г. (Е. А. Косминский — Д. Моравчику, Москва, 12 июня 1946 г., см.: МТАК. Ms 1233/536).

¹² Е. А. Косминский — Д. Моравчику, Москва, 12 июня 1946 г., см.: МТАК. Ms. 1233/536.

¹³ Е. А. Косминский — Д. Моравчику, Москва, 22 сентября 1947 г., см.: МТАК. Ms. 1233/537.

вчитывался в статью Митрофана Васильевича Левченко (1890–1955) «Задачи современного византиноведения»¹⁴, желая понять направления развития и научную программу советских исследователей. Кажется, не без воздействия этой работы венгерский историк пришел к выводу о разрушительном влиянии на византиноведение школы Михаила Николаевича Покровского (1868–1932). Это убеждение он впоследствии непременно проводил в своих работах. Моравчик не давал оценочных характеристик статьям сборника, лишь кратко обрисовывал содержание некоторых из них (М. В. Левченко, Елена Эммануиловна Липшиц (1901–1990) и Александр Петрович Дьяконов (1873–1943)). Он всемерно приветствовал издание и писал, что ожидает от советской науки более глубокого погружения в византийскую историю, особенно в сторону изучения социального и экономического развития¹⁵.

Моравчик следил и за конкретными работами советских византинистов и антиковедов, публиковал благожелательные отзывы на книги Александра Александровича Иессена (1896–1964), Владимира Дмитриевича Блаватского (1899–1980) и Нины Викторовны Пигулевской (1894–1970)¹⁶. Вероятно, уже в первые послевоенные годы у него началась переписка и с некоторыми другими советскими специалистами, помимо упомянутого Косминского. Так, известно, что в 1948–1949 гг. Моравчику писал Б. Т. Горянов. Упоминание этого факта отражено в их позднейшей корреспонденции¹⁷, но письма первых послевоенных лет в архивах не сохранились. Осенью 1948 г. в Будапешт приезжал Борис Дмитриевич Греков (1882–1953), с которым Моравчик имел возможность пообщаться¹⁸.

Пути взаимодействия с советскими учеными обсуждались в переписке Моравчика с востоковедом Владимиром Федоровичем Минорским (1877–1966), жившим и работавшим в Кембридже. В феврале 1948 г. Минорский предложил венгерскому коллеге свести его с Косминским, «очень любезным человеком», который трудился над

¹⁴ Левченко 1945.

¹⁵ Moravcsik 1947.

¹⁶ Moravcsik 1948a; 1948b; 1949b; 1949c.

¹⁷ Б. Т. Горянов — Д. Моравчику, Ленинград, 25 июня 1962 г., см.: МТАК. Ms. 1233/276 I.

¹⁸ Моравчик Д. Главные задачи венгерского византиноведения, см.: МТАК. Ms. 2458/23; Шереш 2019: 148.

продолжением издания «Византийского временника»¹⁹. Моравчик же сообщил, что уже находится в контакте с советским историком:

С профессором Косминским я уже в сношении, и я получил из Москвы новый том (XXVI) «Византийского временника», о котором я и писал рецензию в наших журналах (по-венгерски и по-французски). Они скоро выйдут. Как мне писали, уже печатается XXVII том, в котором появится мой подробный обзор трудов венгерских византинистов. Другой обзор должен появиться по-английски в IX.2 т. *Byzantinoslavica*, который выйдет в Праге через несколько месяцев²⁰.

Однако если *Byzantinoslavica* работу венгерского ученого напечатала²¹, то «Византийский временник» нет. Еще 12 ноября 1947 г. Косминский заверил Моравчика в подготовке его статьи к печати, правда уведомил, что из-за спешки с типографскими работами он не сможет послать корректуру для согласования в Будапешт. В том же письме он благодарил Моравчика за рецензии на первый номер «Византийского временника», обещал раздобыть книгу М. В. Левченко «История Византии» и снова выражал уверенность в дальнейшем развитии научных связей и обмена информацией²². Моравчик ждал, но его статья в советском журнале все никак не появлялась. Более того, переписка советских коллег с ним внезапно вообще прервалась. Причина срыва сотрудничества крылась в том, что византиноведение в СССР, едва начав возрождаться, получило серьезный идеологический удар.

Холодная война стремительно разгоралась. Противостояние СССР с внешним миром усиливалось на фоне разворачивавшихся идеологических кампаний. Борьба с «безродным космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом» больно ударила по советской науке. Если в первые послевоенные годы на волне очарования Победой и под воздействием духа союзничества советская наука демонстрировала открытость миру, что хорошо видно на примере

¹⁹ В. Ф. Минорский — Д. Моравчику, Кембридж, 24 февраля 1948 г., см.: МТАК. Ms. 1233/670.

²⁰ Д. Моравчик — В. Ф. Минорскому, Будапешт, 26 февраля 1948 г., см.: АВ ИВР РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 702. Л. 3.

²¹ Moravcsik 1947/1948.

²² Е. А. Косминский — Д. Моравчик, Москва, 12 ноября 1947 г., см.: МТАК. Ms. 1233/538.

празднования 220-летия Академии наук СССР в 1945 г.²³, то с 1948 г. официально декларировался курс на национализацию науки. В этой системе координат международное научное сотрудничество вытеснялось на задворки.

Первый номер «Византийского временника» подвергся ожесточенной критике и идеологической проработке уже в конце октября 1947 г.²⁴ Сотрудники журнала в духе времени были вынуждены публично признавать свои ошибки, что отразилось в редакционной статье «Против буржуазного космополитизма в советском византиноведении»²⁵. И хотя на страницах журнала заявлялось, что советские ученые не одиноки в борьбе с буржуазной идеологией и что «советская наука и культура привлекают внимание и дружеское отношение передовых ученых за рубежом и, особенно, в странах новой демократии»²⁶, статья Моравчика, написанная по заказу Косминского, так и не была опубликована. Вплоть до середины 1950-х годов в «Византийском временнике» не было напечатано ни одной статьи зарубежного ученого, включая даже представителей социалистических стран. Все связи журнала с внешним миром моментально оборвались. Оттого Острогорский писал Моравчику 26 января 1949 г.: «О “Византийском Временнике” и я не знаю ничего, кроме того, что его I т. подвергается в советских журналах жестокой критике»²⁷.

В 1951 г. Б. Т. Горянов (1897–1977) опубликовал критический обзор статей из журнала *Études Byzantines / Revue des Études Byzantines* («Византийские исследования» / «Обозрение византийских исследований»), который в течение 1937–1947 гг. издавался в Бухаресте²⁸. Западная наука описывалась в этом очерке в терминах «маразм», «загнивание», «реакционное мракобесие», «клевета» и «упадок». Досталось и Моравчику с его знаменитой работой *Byzantinoturcica* («Византино-турецкие исследования»), хотя и в легкой форме: «Следует подчеркнуть, что в работе Моравчика отражены ошибочные взгляды

²³ См. подробнее: Груздинская, Корзун 2019; Груздинская 2020; Корзун, Груздинская 2020.

²⁴ См. об этом подробнее: Тихонов 2016: 147–156.

²⁵ Против буржуазного космополитизма в советском византиноведении // Византийский временник. 1949. Т. II (XXVII). С. 3–10.

²⁶ Там же. С. 5.

²⁷ Г. А. Острогорский — Д. Моравчику, Белград, 26 января 1949 г., см.: МТАК. Ms. 1233/714.

²⁸ Tudorie: 2016.

реакционной так называемой тюркской школы этногенеза венгерского народа. Поэтому его работа должна быть критически рассмотрена советскими учеными-специалистами»²⁹.

Несмотря на подобные критические выпады, Моравчик интереса к советской науке не потерял. Напротив, он у него усилился. Происходило это, скорее всего, не в силу принятия марксизма или некритического соглашательства, а из-за веры в большой научный потенциал этой науки, который трудно сломить внешним воздействием. Показателен развернутый доклад ученого о состоянии советского византиноведения, сделанный на заседании Венгерской академии наук 23 апреля 1951 г.

Моравчик говорил о специфических русских корнях византиноведения, подчеркнув, что развитие этой научной дисциплины в России отчасти шло впереди Европы³⁰. После смерти Ф. И. Успенского, упразднения Византийской комиссии, рассеяния русских ученых (Моравчик дипломатично обходил термины «эмиграция», «изгнание») «великое русское византиноведение было едва ли не полностью заглушено»³¹. Как и ранее, он делал особый акцент на деструктивной роли М. Н. Покровского и его школы: заложенные им тенденции на долгие годы парализовали не только византиноведение, но вообще исторические исследования, лишь осуждение идей Покровского сверху спасло положение и дало шанс на возрождение исторической науки. Среди видных советских ученых Моравчик называл М. В. Левченко, Б. Т. Горянова, Е. Э. Липшиц, Елену Чеславовну Скржинскую (1868–1932), Зинаиду Владимировну Удальцову (1918–1987), Виктора Никитича Лазарева (1897–1976), Леонида Антоновича Мацулевича (1886–1959), Якова Амазасповича Манандяна (1873–1952). Особо отметил он Н. В. Пигулевскую, назвав ее «превосходным экспертом по сирийским и другим восточным источникам, а также большим знатоком восточных сюжетов в византийских исследованиях»³².

В докладе Моравчик пытался оценить перспективы марксистского подхода в византиноведении. Оглядываясь на опыт советской науки, он допустил, что такой подход «окажет большую услугу

²⁹ Горянов 1951: 167–168.

³⁰ Moravcsik 1951b: 282–283

³¹ Moravcsik 1951a: 78.

³² Moravcsik 1951a: 78–79.

в исследовании сущности исторических явлений»³³. В то же время Моравчик предупредил, что неправильное применение этих методов опасно, как показал пример Николая Яковлевича Марра (1865–1934) и М. Н. Покровского.

Венгерский ученый допускал, что марксистские подходы могут быть полезны при изучении классовой борьбы в Византии, которая порой шла в скрытой форме. Однако в советском византиноведении ему импонировало совсем не это. Моравчика воодушевляло стремление советских ученых отказаться от европоцентризма и попытаться взглянуть на историю взаимоотношений Византии с Ближним Востоком, Кавказом, Центральной Азией. Он говорил, что советское византиноведение расширило круг исследований в противовес националистическим и империалистическим настроениям старой царской России. Это соответствовало многонациональной природе советского государства. Отсюда проистекал интерес византинистов к армянской, грузинской, кавказской, центральноазиатской, иранской тематике.

Подобные суждения хорошо объясняют глубокое уважение Моравчика к работам Пигулевской, слывшей главным знатоком византийско-сирийских отношений. Венгерскому ученому внушал уважение глубокий источниковедческий подход советских коллег, их внимание к изучению византийских рукописей в собраниях СССР, а также привлечение археологического материала. Ему было чрезвычайно интересно посмотреть на изучение истории славяно-византийских отношений и развиваемый в тот момент тезис, что вторжение славян способствовало падению рабства в Византии. Привлекало его внимание и изучение специфики византийского феодализма. Хотя оценку всем этим взглядам он не давал.

Моравчику также был интересен опыт организации научной работы. Он полагал, что каждый ученый в СССР выполняет индивидуальную работу в силу своих интересов и квалификации. Именно они определяют включенность человека в коллективные проекты, как, например, по изданию справочников. Благодаря публичным дискуссиям, советские ученые знают, кто и над чем работает. Это не позволяет разным исследователям независимо друг от друга разрабатывать одну и ту же тему. Ему нравилось, что советские ученые заявляют о своих творческих планах и анонсируют готовящиеся работы. Конечно,

³³ Moravcsik 1951a: 89.

с позиций сегодняшнего дня можно удивляться наивности ученого, особенно когда он размышлял о позитивной роли публичных дискуссий в советской науке. Однако Моравчик явно не имел всей полноты информации, что было вообще крайне трудно в условиях того времени. Вполне прав А. С. Стыкалин, отметивший, что усиление симпатий к СССР в послевоенной Восточной Европе во многом было следствием «недостаточной информированности о советской системе и навязывания фальсифицированных представлений о ней»³⁴. Обратим внимание на примечательный факт. Когда осенью 1948 г. в Будапеште побывал Б. Д. Греков, Моравчик побеседовал с ним. Много лет спустя он так описал эту встречу:

В течение нашего разговора академик Греков между прочим сказал следующие слова: “У вас любопытство, у нас задача”. Эти слова меня глубоко тронули, так как в них выразилась разница, которая состоит между старым понятием науки буржуазного общества и тем понятием науки, которое характеризует советскую научную работу³⁵.

Речь шла как раз об организации научных исследований. Моравчик был убежден, что в условиях увеличения потока информации и усложнения исследовательских практик прежние формы организации научной работы на сугубо индивидуальных началах оказываются малоэффективными. Исторической науке необходима институциональная поддержка, равно как и четкое планирование исследований. Об этом Моравчик говорил еще в 1933 г.³⁶ И нет оснований удивляться тому, что в первые послевоенные годы венгерского ученого так взволновал опыт исторических исследований в СССР.

Доклад Моравчик завершил указанием на общность задач советского и венгерского византиноведения и тезисом, что «уроки ведущей и образцовой советской науки также должны быть извлечены венгерскими учеными, чтобы сделать их работу более эффективной и успешной на благо нашего народа»³⁷. Хотя доклад был выдержан в духе глубокой симпатии к советской науке и в нем несколько раз упоминался Сталин, назвать его апологетическим или догматическим

³⁴ Стыкалин 2002: 41.

³⁵ Моравчик Д. Главные задачи венгерского византиноведения, см.: МТАК. Мс. 2458/23.

³⁶ Moravcsik 1933.

³⁷ Moravcsik 1951a: 88.

трудно. Моравчик отнюдь не был склонен считать СССР образцом для некритического подражания и не призывал слепо копировать советские порядки. Он вполне искренне пытался понять, каким образом опыт советского византиноведения может быть полезен в Венгрии. Другой вопрос — насколько сильно он заблуждался, но это уже предмет для специального исследования.

Если в СССР происходила национализация науки, то в Венгрии — ее советизация. Поскольку Моравчик на протяжении всей жизни оставался человеком вне политики, крайне трудно понять его истинное отношение к этим процессам. Коллега ученого, филолог-классик Янош Харматта (1917–2004) утверждал, что после Второй мировой войны Моравчик был в числе тех, кто безоговорочно принял реформу Венгерской академии наук и ее новые задачи. Он же писал, что ученый-византинист позитивно воспринял строительство социализма в Венгрии³⁸. Так это или нет, сказать непросто. Свидетельства о его политических взглядах и предпочтениях крайне скудны. Наверное, при поверхностном взгляде может возникнуть соблазн назвать Моравчика конформистом, сделать вывод, что страшное время наложило на него тяжелый отпечаток и вынудило приспособляться. Однако, думается, реальное положение вещей было гораздо сложнее и свою роль, причем очень весомую, играл присущий ученому аполитизм. Моравчик не был замечен в открытых симпатиях к новой власти, равно как и в ее критике. Он не включился в процессы советизации венгерской исторической науки, подобно Эрику Мольнару (1894–1966) или Эржебет Андич (1902–1986) и в то же время не подвергался идеологическим проработкам как представитель «буржуазной науки». Во всяком случае Моравчик остался на родине, а не эмигрировал, подобно многим коллегам, например Андрашу Алфёлди (1895–1981). Правда, в 1948 г. в США уехали два сына ученого — Михай (1928–1989) и Дюла (1931–2009). Оба стали впоследствии крупными учеными: первый — физиком, второй — философом. В 1964 г. за океан перебралась и дочь Моравчика — Эдит (род. 1939). Она также выбрала исследовательскую стезю и стала известным лингвистом. Тем не менее в социалистической Венгрии карьера Моравчика развивалась без всяких стеснений. Видимо, он все же оказался

³⁸ Harmatta 1973: 685. 30 мая 1945 г. Моравчик был избран действительным членом Венгерской академии наук.

более лоялен к новой коммунистической власти, нежели многие ученые старой школы.

Разветвленные связи с советскими учеными начали складываться у Моравчика в период хрущевской оттепели. 19 ноября 1955 г. после нескольких лет молчания в Будапешт было направлено письмо от имени редакции «Византийского временника» и за подписью академика Косминского. В нем Моравчику, как некогда в 1946 г., предложили опубликовать свои работы в советском журнале. В послании говорилось, что тематически предпочтение отдается материалам по социально-экономической истории Византии и ее соседей, но при этом охотно будут печататься и статьи по политической истории, вопросам идеологии, культуры и искусства, палеографии, нумизматике, сфрагистике. В письме был упомянут визит в Москву венгерского академика Эрика Мольнара в 1955 г., который рассказал советским коллегам об исследованиях по истории борьбы венгров с турками. По всей видимости именно этот визит послужил стимулом к возобновлению связей с Моравчиком. Потому Косминский написал ему:

Советские ученые хорошо знают и ценят Ваши исследования в области византиноведения и хотят установить с Вами непосредственный научный контакт в области обмена научной информацией и научными трудами. Будем весьма признательны, если Вы, кроме того, выясните, кто из других венгерских византинистов, Ваших коллег и учеников, может прислать в ближайшее время статьи в «Византийский Временник» и сообщить нам о тематике их работ³⁹.

Обращение к Моравчику совпало с поворотом в истории журнала, который отряхивал от себя сталинский научный национализм и вновь ориентировался на мировое научное сообщество. В «Византийском временнике» начали печататься обзоры зарубежных исследований⁴⁰. В 1956 г. в нем опубликовали статьи иностранных авторов — Димитра Ангелова (1917–1996) из Болгарии и Йоханнеса Ирмшера (1920–2000) из ГДР. Советские ученые получили возможность выезжать на зарубежные научные мероприятия. На X Международный съезд византинистов в Стамбул 15–21 сентября 1955 г. направилась

³⁹ Е. А. Косминский — Д. Моравчику, Москва, 19 ноября 1955 г., см.: МТАК. Ms. 1233/535.

⁴⁰ Паулова 1957; Удальцова 1956а.

советская делегация в составе В. Н. Лазарева, З. В. Удальцовой и Дмитрия Владимировича Сарабьянова (1923–2013). Произошла встреча советских ученых с коллегами из числа русских эмигрантов, а именно с Г. А. Острогорским и Александром Васильевичем Соловьевым (1890–1971). В официальном советском отчете их выступления были охарактеризованы в положительном ключе⁴¹. Удальцова выступила с докладом о развитии византиноведения в СССР, который был напечатан в расширенной версии как отдельное издание⁴².

Моравчик в Стамбул приехать не смог, но он внимательно следил за конгрессом по публикациям, в том числе внимательно прочел упомянутую работу Удальцовой. Он откликнулся на нее краткой, но очень доброжелательной рецензией. Приезд советской делегации в Стамбул венгерский ученый счел одним из главных событий международной встречи. Особенно импонировала ему официально выраженная советскими учеными установка на развитие международного сотрудничества. Моравчик вновь подчеркнул, что сильной стороной советского византиноведения является установка на преодоление «европоцентризма», стремление к изучению связей Византии с Востоком⁴³.

Возвращение советского византиноведения на международную арену послужило важным сигналом для Моравчика. В конце 1955 г. он отправил в Институт истории АН СССР письмо и отпечатки своих работ. В ответ получил благодарственное сообщение от Удальцовой, предложившей ему написать статью для «Византийского временника» и заверившей в необходимости развития научных связей:

Мы, советские византинисты, от души желаем установить с венгерскими учеными тесный научный контакт и самые дружеские отношения. Мы были бы очень рады, если бы Вы посетили нашу страну. Личное знакомство с Вами, крупнейшим венгерским византинистом, конечно, содействовало бы дальнейшему укреплению научных связей между учеными наших стран⁴⁴.

⁴¹ Удальцова 1956b.

⁴² Удальцова 1955.

⁴³ Moravcsik 1957. Рецензия очень понравилась З. В. Удальцовой, и она в письме поблагодарила Д. Моравчика за положительный отклик (З. В. Удальцова — Д. Моравчику, Москва, 15 марта 1956 г., см.: МТАК. Ms 1233/854).

⁴⁴ З. В. Удальцова — Д. Моравчику, Москва, 20 января 1956 г., см.: МТАК. Ms 1233/852.

Моравчик и Удальцова стали регулярно переписываться. Он посылал ей отписки работ, она настойчиво просила его написать для «Византийского временника», а в октябре 1956 г. попросила, чтобы Моравчик или кто-то из его коллег подготовил обзор современной венгерской литературы по византиноведению⁴⁵. Вероятно, статья Роберта Бенедикти о развитии византийских исследований в Венгрии, которая была опубликована в «Византийском временнике» в 1961 г., стала ответом на эту просьбу⁴⁶.

Встреча Моравчика с советскими коллегами должна была состояться в Праге, где с 28 по 30 октября 1957 г. по инициативе Славянского института и журнала *Byzantinoslavica* проводилась конференция византинистов социалистических стран. Моравчика также пригласили участвовать, но из-за внезапной болезни он приехать не смог. Тем не менее его доклад, посвященный основным проблемам изучения византийско-венгерских отношений, был зачитан. Первоочередной задачей в области дальнейшего исследования этих проблем Моравчик назвал издание всех византийских источников по истории Венгрии, как это сделано в Болгарии и Югославии. Он также советовал приступить к написанию фундаментальных монографических исследований о взаимоотношениях отдельных стран Центральной и Юго-Восточной Европы с Византией и улучшить обмен информацией между учеными этих стран⁴⁷.

В 1950-е годы труды Моравчика начали рецензировать в советских изданиях. Советские коллеги именовали его «одним из крупнейших современных византинистов»⁴⁸. В 1956 г. на немецком языке вышла небольшая по объему, но глубокая по содержанию брошюра Моравчика «Византийская культура и средневековая Венгрия», в основу которой лег прочитанный в Берлине 18 апреля 1955 г. доклад⁴⁹. Автор вскоре послал ее Горянову, с которым, как уже говорилось, был знаком по переписке с конца 1940-х годов⁵⁰. Советский ученый ответил на нее

⁴⁵ З. В. Удальцова — Д. Моравчику, Москва, 7 октября 1956 г., см.: МТАК. Ms 1233/855.

⁴⁶ Бенедикти 1961.

⁴⁷ Отчет о поездке в Чехословакию на конференцию византинистов старшего научного сотрудника Института истории АН СССР З. В. Удальцовой, см.: АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 124. Л. 98.

⁴⁸ Каждан 1959а: 217.

⁴⁹ Moravcsik 1956.

⁵⁰ Б. Т. Горянов — Д. Моравчику, Москва, б. д. [по содержанию: конец 1957 г.], см.: МТАК. Ms 1233/274.

позитивной рецензией⁵¹. Работа была построена на обобщении большого объема письменных источников, но одновременно — археологического и лингвистического материала. Моравчик полагал, что первым свидетельством о предках венгров в византийских источниках является упоминание Приском Панийским посольства оногуров 463 г. к византийскому двору. Венгерский ученый развивал идею о глобальном значении византийской культуры для средневекового мира. Ее влияние выходило далеко за пределы непосредственных соседей. Это влияние, по словам рецензента, автор «усматривает и в находке в районе Алтайского горного хребта византийских монет, и в построенной греками мастерами крепости на побережье Дона, на месте нынешнего Цимлянского моря, и в сирийских и эфиопских переводах произведений византийской литературы, и в капелле св. Варфоломея в Падерборне, и во многом другом»⁵².

В СССР одним из возможных направлений взаимодействия с Моравчиком видели совместное издание исторических источников. Этому способствовали как тенденции развития советско-венгерских научных контактов, так и научные интересы самого венгерского ученого. В 1949 г. Моравчик вместе с британским коллегой Ромили Дженкинсом (1907–1969) подготовил критическое издание трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» (*De administrando imperio*)⁵³. Выход книги стал огромным событием в мировом византиноведении. В октябре 1956 г. Удальцова в письме к Моравчику рассказала об обсуждении с академиком Мольнаром планов по совместному изданию «Хроники венгров» (*Chronica Hungarorum*) Яноша Туроци (1435–1489), написанной в 1486–1488 гг. и представляющей изложение венгерской истории от древности до современной автору эпохи. Она констатировала:

Надеюсь, что наша работа по совместному изданию серии памятников будет весьма плодотворна и будет способствовать дальнейшему развитию и укреплению дружбы между венгерскими и советскими учеными⁵⁴.

⁵¹ Горянов 1957.

⁵² Горянов 1957: 326.

⁵³ Constantine Porphyrogenitus. *De Administrando Imperio* / ed. by Gy. Moravcsik and R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949. Книга переиздавалась в 1967 и 1993 гг.

⁵⁴ З. В. Удальцова — Д. Моравчику, Москва, 7 октября 1956 г., см.: МТАК. Ms 1233/855.

Горянов несколько раз предлагал Моравчику издать русский перевод *De administrando imperio* с развернутыми комментариями. Из письма советского ученого от 25 июня 1962 г. узнаем:

Если Вы не забыли, я писал Вам в 1948–1949 годах, что я перевел на русский язык трактат *De administrando imperio* Константина Багрянородного. Тогда же между Вами и покойным академиком Е. А. Косминским велась переписка по вопросу о моем участии в совместной подготовке комментария к моему переводу⁵⁵, первому полному переводу этого трактата на русский язык. Впоследствии эта переписка прекратилась по не зависящим от меня обстоятельствам. Тем не менее я не оставлял мысли о подготовке издания моего перевода⁵⁶.

В конце 1950-х годов Горянов вернулся к давней идее, написав в 1957 г. Моравчику: «Русский перевод я уже давно закончил и много сделал для комментария, но без Вашей помощи я не мыслю себе этой публикации»⁵⁷.

Поскольку архив Горянова не сохранился, об ответах венгерского исследователя можно судить лишь по контексту писем советского ученого. Моравчик в феврале 1958 г. сообщил, что вместе с коллегами уже готовит издание комментария к трактату Константина Багрянородного. Горянов в ответ предлагал, что «было бы весьма целесообразно использовать его в аппарате к моему переводу, который готовится мною совместно с другими научными сотрудниками»⁵⁸.

Кажется, Моравчик от предложения дипломатично отказался. Во всяком случае советско-венгерский проект по изданию *De administrando imperio* не состоялся⁵⁹. В чем заключалась причина, сказать наверняка трудно. Моравчик вел работу по составлению комментариев к трактату вместе с солидной международной группой в составе

⁵⁵ Свидетельств этому в известных на сегодняшний день источниках не выявлено.

⁵⁶ Б. Т. Горянов — Д. Моравчику, Ленинград, 15 июня 1962 г., МТАК. Ms 1233/276.

⁵⁷ Б. Т. Горянов — Д. Моравчику, Москва, б. д. [по содержанию: конец 1957 г.], см.: МТАК. Ms 1233/274.

⁵⁸ Б. Т. Горянов — Д. Моравчику, Москва, 24 февраля 1958 г., см.: МТАК. Ms 1233/275.

⁵⁹ 15 июня 1962 г. Горянов писал Моравчику, что надеется издать сочинение Константина Багрянородного хотя бы как учебное пособие для студентов и аспирантов исторических факультетов (Б. Т. Горянов — Д. Моравчику, Ленинград, 15 июня 1962 г., см.: МТАК. Ms 1233/276).

Р. Дженкинса, Б. Льюиса, Дмитрия Оболенского (1918–2001), Френсиса (Франтишека) Дворника (1893–1975), Стивена Ренсимена (1903–2000) и вряд ли объективно нуждался в советских помощниках.

Со стороны советских специалистов не остались без внимания методологические работы Моравчика. Так, в 1959 г., анализируя программные статьи венгерского ученого в журнале *Byzantinoslavica*⁶⁰, Александр Петрович Каждан (1922–1997) выразил поддержку его точке зрения на необходимость планомерной организации научно-исследовательской работы и критику недавних византиноведческих конгрессов за бессистемность тематики и увлечение сугубо частными, мелкими вопросами⁶¹. Он поддерживал нацеленность Моравчика на составление «полного описания византийских археологических памятников и общего каталога византийских рукописей, критическое издание византийских источников, издание сводки источников о связях Византии с соседними народами (Болгарией, Сербией и т.д.), публикацию переводов византийских авторов, издание византийских актов и корпуса надписей, составление пособия по дипломатике, создание исторической грамматики и словаря греческого языка византийской эпохи»⁶².

В конце мая 1958 г. посольство Венгрии в Москве известило Московский государственный университет о намерении Моравчика приехать в СССР в научную командировку, предварительно в октябре. Григорий Данилович Вовченко (1906–1984), исполнявший в ту пору обязанности ректора, направил в Будапешт заверение в готовности принять ученого и обеспечить ему необходимые условия работы⁶³. Сведений об этой поездке в архивах обнаружить не удалось — кажется, она не состоялась. Зато доподлинно известно, что в тот же год личная встреча Моравчика с советскими коллегами состоялась в Мюнхене. Там 15–20 сентября 1958 г. проходил XI Международный конгресс византинистов. Советскую науку представляли З.В. Удальцова и Н.В. Пигулевская. Моравчик сделал доклад о новом издании своего фундаментального труда *Byzantinoturcica*⁶⁴. К исследованиям Пигулевской он всегда относился с большим уважением, отмечая ее высокий профессионализм и оригинальность

⁶⁰ Moravcsik 1949a; 1955.

⁶¹ Каждан 1959а: 217.

⁶² Каждан 1959а: 217–218.

⁶³ Г.Д. Вовченко — Д. Моравчику, Москва, 20 мая 1958 г., МТАК. Ms 1233/889.

⁶⁴ Удальцова 1959.

исследовательской тематики. Эпистолярное общение между ними установилось, вероятно, в начале 1955 г., свидетельством чего является благодарственная записка Д. Моравчика за присылку научных трудов⁶⁵, положившая начало книгообмену⁶⁶. Позднее обмен информацией между учеными принял регулярный характер, взаимный интеллектуальный интерес усиливался близостью научной проблематики, сконцентрированной вокруг взаимоотношений Византии с Востоком. Личное знакомство в Мюнхене эти контакты однозначно усилило. В конце декабря 1958 г. Пигулевская отправила в Будапешт две посылки со своими трудами⁶⁷. Она откликнулась прекрасной рецензией на второе издание *Byzantinoturcica*, которое назвала выдающимся событием в научной жизни. Ей импонировала широта кругозора венгерского ученого, богатейший материал разнообразных источников, с необычайной тщательностью обработанный им, а также глубокие историографические и библиографические экскурсы. Пигулевская заключила:

Труд академика Д. Моравчика — подвиг выдающегося ученого, а его книга — вклад в византийское источниковедение и в изучение тюркских народов, многочисленные представители которых составляют население братских республик Советского Союза. *Byzantinoturcica* содержит необозримое количество материала и является в настоящее время настольной книгой для византинистов и востоковедов⁶⁸.

Моравчику было приятно получить столь лестный отклик на свою работу от уважаемой и авторитетной коллеги. В феврале 1961 г. он не преминул поблагодарить ее за эту любезную рецензию⁶⁹. Моравчик пригласил советскую коллегу посетить Будапешт. Однако Пигулевская вынуждена была отложить поездку ввиду занятости подготовкой к XII Международному конгрессу исторических наук в Вене

⁶⁵ Д. Моравчик — Н. В. Пигулевской, Будапешт, 10 февраля 1955 г., см.: ПФА РАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 306. Л. 1.

⁶⁶ Н. В. Пигулевская — Д. Моравчику, Ленинград, 9 июня 1956 г., см.: МТАК. Ms 1233/738.

⁶⁷ Д. Моравчик — Н. В. Пигулевской, Будапешт, 15 декабря 1958 г., см.: ПФА РАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 306. Л. 3; Д. Моравчик — Н. В. Пигулевской, Будапешт, 22 декабря 1958 г., см.: ПФА РАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 306. Л. 5.

⁶⁸ Пигулевская 1960: 150.

⁶⁹ Д. Моравчик — Н. В. Пигулевской, Будапешт, 24 февраля 1961 г., см.: ПФА РАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 306. Л. 11.

29 августа — 5 сентября 1965 г.⁷⁰ В новогоднем поздравлении вместе с пожеланиями на 1966 г. он выразил надежду и на встречу в Будапеште грядущей весной⁷¹. Поездка эта тем не менее не состоялась.

Если вернуться к *Byzantinoturcica* и откликам на этот труд в советской историографии, то следует упомянуть и о рецензии А. П. Каждана в «Византийском временнике»⁷². Он отметил не только глубину источниковедческого подхода Моравчика и его колоссальные познания в научной литературе, но также важность его труда для других исследований подобного рода. Каждан напомнил, что назрело время и для создания аналогичного свода данных византийских авторов по истории Древней Руси⁷³.

Для советских ученых Моравчик был важным звеном в знакомстве с венгерской исторической наукой. Нередко к нему обращались за библиографическими консультациями, как, например, Иосиф Давидович Амусин (1910–1984) в феврале 1956 г., интересовавшийся изучением в Венгрии Ветхого Завета и легенды об Аврааме⁷⁴. Осенью 1965 г. Е. Ч. Скржинская консультировалась у Моравчика относительно этимологии слова «половцы», в частности, можно ли ассоциировать с ними *Falones* из хроники Оттона Фрейзингенского (1111/1114–1158)⁷⁵. О близости с советскими учеными свидетельствует тот факт, что Н. В. Пигулевская, А. П. Каждан и Аристид Иванович Доватур (1897–1982) приняли участие в издании юбилейного сборника в честь Моравчика⁷⁶. Моравчик же помогал своим соотечественникам навести мосты с советской исторической наукой. Именно он способствовал появлению публикаций Р. Бенедикти в «Византийском временнике»⁷⁷.

На рубеже 1950–1960-х годов Моравчик подготовил статью для «Византийского временника», о чем советские коллеги уже долго просили

⁷⁰ Н. В. Пигулевская — Д. Моравчику, Ленинград, б.д. [не ранее августа 1965 г.], см.: МТАК. Ms 1233/741.

⁷¹ Д. Моравчик — Н. В. Пигулевской, Будапешт, 30 декабря 1965 г., см.: ПФА РАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 306. Л. 17.

⁷² Каждан 1959b.

⁷³ Каждан 1959b: 271.

⁷⁴ И. Д. Амусин — Д. Моравчику, Ленинград, 15 февраля 1956 г., см.: МТАК. Ms 1233/16.

⁷⁵ Е. Ч. Скржинская — Д. Моравчику, Ленинград, 9 октября 1965 г., см.: МТАК. Ms 1233/820.

⁷⁶ Pigulevskaia 1962; Каждан 1962; Доватур 1962.

⁷⁷ В. Н. Лазарев — Д. Моравчику, Москва, 15 октября 1962 г., см.: МТАК. Ms 1233/613.

его. В основу работы было положено скрупулезное текстологическое изучение греческой грамоты мамлюкского султана, копию которой он еще в начале 1920-х годов обнаружил в собрании рукописей Национальной библиотеки в Париже. Моравчик пришел к выводу, что грамота была отправлена мамлюкским султаном Барсбаем (1422–1438 гг.) византийскому императору Иоанну VIII Палеологу (1425–1448 гг.) между 1425 и 1438 г. Она интересна в контексте истории дипломатических отношений между Византией и Мамлюкским султанатом, сближение которых происходило на почве общей угрозы — османов. Моравчик показал, что вплоть до своего падения Византия осуществляла «моральный протекторат» над христианами в государстве мамлюков, что также было логичным в силу осознания и в Константинополе, и в Каире необходимости совместных действий против общего врага⁷⁸. Эта небольшая статья примечательна не только как первая публикация Моравчика в СССР. Она являет пример его исследовательского подхода, сочетавшего в себе высокопрофессиональную филологическую подготовку с обширными знаниями византийской истории. Одновременно автор демонстрировал глубокое понимание больших исторических контекстов.

Обзору византийско-мамлюкских отношений Моравчик посвятил доклад⁷⁹, подготовленный для 25-го Международного конгресса востоковедов. Он проходил в Москве с 9 по 16 августа 1960 г. и собрал делегатов из 48 стран⁸⁰. Моравчик воспользовался предоставленной возможностью и посетил также Ленинград. Видимо, к этой поездке следует отнести доклад ученого об основных направлениях развития венгерского византиноведения. Недатированный русский текст выступления, сохранившийся в личном фонде ученого, аккуратно написан печатными буквами с заранее расставленными над словами ударениями. Доклад начинался с показательных воспоминаний:

С того времени, когда я во время Первой мировой войны провел в качестве военного пленника пять лет в вашей стране и когда я имел случай усвоить до некоторой степени ваш язык, я непрерывно следил за русским византиноведением, достижения которого я высоко оцениваю⁸¹.

⁷⁸ Моравчик 1961: 115.

⁷⁹ Моравчик 1962.

⁸⁰ Русинова 2008: 49.

⁸¹ Моравчик Д. Главные задачи венгерского византиноведения, см.: МТАК. Ms. 2458/23.

Вернувшись в Будапешт из командировки в СССР, Моравчик написал Пигулевской:

Я уверен, что те великолепные дни, которые мы провели в Москве и Ленинграде, имея случай лично познакомиться с советскими исследователями византиноведения, в значительной мере укрепили наши дружеские отношения и плодотворное научное содействие⁸².

Она ответила ему:

С чувством большой радости я вспоминаю Ваше пребывание в Москве, заседания секции, наши беседы. Прошу Вас передать мой сердечный привет Вашей милой дочери, которая меня совершенно очаровала⁸³.

Поездка в СССР дала Моравчику возможность завести новые личные знакомства. Например, он познакомился с Алисой Владимировной Банк (1906–1984), с которой впоследствии переписывался⁸⁴.

Очередная встреча Моравчика с коллегами из СССР и одновременно из кругов русской эмиграции состоялась в Оксфорде, где 5–10 сентября 1966 г. прошел XIII Международный конгресс византинистов. Советская делегация была многочисленной и представительной: В. Н. Лазарев, Н. В. Пигулевская, Сурен Тигранович Еремян (1908–1992), А. П. Каждан, З. В. Удальцова, А. В. Банк, Ольга Андреевна Белоброва (1925–2018), Нателла Николаевна Кечакмадзе (1917–1967), Георгий Львович Курбатов (1929–2003), Геннадий Григорьевич Литаврин (1935–2009), Нодар Юлонович Ломоури (1926–2016), Раиса Анатольевна Наследова, Кира Александровна Осипова (1925–1988), Зинаида Гавриловна Самодурова (1931–2001), Карен Никитич Юзбашян (1927–2009), Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999)⁸⁵. Моравчик представил доклад, в котором впервые проследил этапы распространения христианства византийскими миссионерами в VI–XI вв. среди тюркских народов, обитавших в этот

⁸² Д. Моравчик – Н. В. Пигулевской, Будапешт, 28 августа 1960 г., см.: ПФА РАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 306. Л. 7.

⁸³ Н. В. Пигулевская – Д. Моравчику, Ленинград, 25 сентября 1960 г., см.: МТАК. Ms 1233/739.

⁸⁴ А. В. Банк – Д. Моравчику, Ленинград, 27 сентября 1960 г., см.: МТАК. Ms 1233/31.

⁸⁵ Удальцова 1968: 307–308.

период на территории между устьем Дуная и Кубанью. Удальцова особую ценность доклада венгерского коллеги увидела в том, что он «не ограничился установлением основных этапов распространения христианства среди этих народов, а сделал попытку проанализировать методы христианизации, применяемые византийской миссией». Деятельность византийских миссионеров он счел более мягкой, нежели римских, поскольку они, в частности, допускали сохранение местных языков для богослужений⁸⁶.

Моравчик не только встречался с советскими и русскими коллегами на международных конгрессах и конференциях, но и принимал их в Будапеште. Летом 1959 г. в венгерскую столицу приехал Г. Г. Литаврин для изучения греческих рукописей⁸⁷.

До сих пор с удовольствием вспоминаю (и буду вспоминать всегда) о встречах с Вами в Будапеште. Те издания, которые я имел возможность прочесть благодаря Вам, оказались мне очень полезными — лишь теперь, когда я вернулся к своей работе, мне стало это понятно в полной мере. Еще раз большое спасибо за Вашу помощь⁸⁸.

Теплые воспоминания о встрече сохранил В. Н. Лазарев, посетивший Венгрию осенью 1962 г. Вернувшись в Москву, он написал Д. Моравчику и его семье благодарность за теплый и дружеский прием: «Мне был очень приятен тот вечер, который я провел в Вашем гостеприимном доме»⁸⁹.

В 1967 г. Моравчик вышел на пенсию, хотя занятий наукой не прекратил. Правда, активность его переписки с советскими коллегами заметно снизилась, если судить по сохранившимся архивным материалам. В 1970 г. в Будапеште на английском языке вышла книга Моравчика «Византия и венгры»⁹⁰. По этой проблеме еще в 1953 г. он опубликовал труд на венгерском⁹¹. Новая книга была своего рода

⁸⁶ Удальцова 1968: 307–308.

⁸⁷ Литаврин 1960: 12. Предстоит еще выяснить, сыграл ли какую-то роль Моравчик в публикации на венгерском языке книги Каждана и Литаврина «Краткая история Византии» (Kazsdan, Litavrin 1961).

⁸⁸ Г. Г. Литаврин — Д. Моравчику, Москва, б. д. [по содержанию: не ранее 24 июля 1959 г.], см.: МТАК. Ms 1233/632.

⁸⁹ В. Н. Лазарев — Д. Моравчику, Москва, 15 октября 1962 г., см.: МТАК. Ms 1233/613.

⁹⁰ Moravcsik 1970.

⁹¹ Moravcsik 1953.

подведением итогов изучения темы, которой Моравчик отдал полвека научной деятельности. Тематически она перекликалась с предыдущими работами, но содержала материал, переработанный в свете новых исследований. Автор ставил задачей проследить основные этапы венгеро-византийских отношений: от первых упоминаний об «оногурах» и «венграх» у византийских авторов и до падения Константинополя в 1453 г. В отзыве на книгу Г. Г. Литаврин заметил, что «автор скрупулезно учитывает результаты исследований специалистов в области социально-экономической и политической истории Византии и Венгрии, опираясь при этом преимущественно на марксистскую историографию, в том числе на труды советских византинистов»⁹². Он же, рассуждая о научной судьбе этого труда, утверждал, что книга венгерского автора являет «пример объективного научного анализа истории отношений родной для ученого страны с другими странами в их далеком прошлом»⁹³.

«Византия и венгры» стала последней большой работой, опубликованной при жизни Моравчика. 10 декабря 1972 г. он скончался в Будапеште. «Введение в византиноведение» вышло на немецком языке уже посмертно в 1976 г.⁹⁴ На это издание откликнулся рецензией в «Византийском временнике» Михаил Вадимович Бибииков. Он подчеркнул, что в творчестве Моравчика соединялись широта научных интересов и стремление к досконально тонкому изучению источника. Бибииков согласился с авторским пониманием византиноведения как комплексной дисциплины, с его «синтетическим» характером, обусловленным опорой на ряд вспомогательных исторических дисциплин, а также неразрывной связью со смежными областями знания: востоковедением, славистикой, антиковедением, классической филологией⁹⁵. Бибииков выделил связь исследований Моравчика с исканиями русского византиноведения и указал на его уважительное отношение к русской дореволюционной и советской науке. В этой рецензии отмечена одна из главных черт концепции Моравчика, много раз говорившего о неразрывной генетической связи Византии с Античностью, но одновременно и о необходимости принимать во внимание роль «варварских» вторжений

⁹² Литаврин 1971: 194.

⁹³ Литаврин 1971: 196.

⁹⁴ Moravcsik 1976.

⁹⁵ Бибииков 1979: 211–212.

и контактов с народами и государствами Востока. Византия воспринималась им как передатчик культурных традиций, которые продолжали жить даже после падения империи в 1453 г. Потому главным историческим наследием византийской цивилизации стало ее культурное влияние на «развитие народов и государств окрестного мира — от кавказцев и арабов до венгров и германцев» и сохранение античного наследия⁹⁶.

На протяжении жизни Моравчик сформировал обширную сеть международных научных контактов, в которых советским ученым было отведено особое и чрезвычайно важное место. Отношение венгерского византиниста к русской и советской науке всегда определялось глубоким вниманием, интересом и уважением, невзирая на политические перипетии. Послевоенный период был отмечен высокой плотностью контактов Моравчика с советскими коллегами, что отчасти было связано с вхождением Венгрии в орбиту советского влияния и конструированием официальных советско-венгерских научных связей. Тем не менее Моравчик не стал марксистом, хотя признавал возможности применения марксистских подходов к византийской истории. В его деятельности трудно найти следы идеологического приспособленчества. В 1920–1930-х годах он не был замечен в симпатиях к хортизму или фашизму, а после войны не превратился в коммуниста. При изучении известных автобиографических материалов ученого складывается впечатление, что мыслями он был погружен не столько в проблемы современности, сколько во времена Средневековья и что, например, Вторая мировая война волновала его куда меньше, чем Великое переселение народов.

Моравчик выступал горячим поборником международных научных контактов, вне которых ему не мыслилось развитие византийских исследований. Идеологические барьеры не воспринимались им как препятствия. Благодаря такому подходу, он успешно сотрудничал с учеными «капиталистического Запада» и «социалистического Востока», бывал в Париже и Москве, печатался по-английски и по-русски. Впрочем, не нужно забывать, что в кадаровской социалистической Венгрии возможностей для включенности ученого в международные академические связи было гораздо больше, чем в СССР.

⁹⁶ Бибииков 1979: С. 215.

И все же остается открытым вопрос о восприятии Моравчиком путей и методов советизации венгерской науки. Известные на сегодняшний день источники не дают возможности понять его отношение к ключевым событиям и действующим лицам послевоенной венгерской истории: как воспринял он Венгерскую революцию 1956 г., как оценивал Матяша Ракоши (1892–1971), Имре Нада (1896–1958) и Яноша Кадара (1912–1989), каким виделся ему «гуляшный социализм»? Однако думается, что, каким бы ни было отношение, оно не отражалось на динамике интеллектуальных контактов. Моравчик всегда разделял науку и политику, потому драматические повороты истории XX в. не смогли изменить его позитивного отношения к российским/советским коллегам. Показательно, что переписку с ними Моравчик вел исключительно на русском языке и что во всех своих публикациях и выступлениях непременно отмечал огромные достижения русского дореволюционного, эмигрантского и советского византиноведения.

Несмотря на то, что далеко не все возможности сотрудничества Моравчика с советскими коллегами удалось реализовать, его следует признать весьма успешным. Венгерский ученый оказывал неоценимую информационную поддержку, помогал ориентироваться в зарубежной историографии, способствовал публикации работ советских ученых в Венгрии, а венгерских — в СССР. Отметим также, что исследования Моравчика встретили горячий интерес у советских коллег, а его наработки, особенно в свете фундаментальной *Byzantinoturcica*, нередко оказывали вдохновляющее воздействие.

Список сокращений

- АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург
АРАН — Архив Российской академии наук, Москва
ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
МТАК — Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár és Információs Központ, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye, Gy. Moravcsik, Budapest
ОД ÚДУ. F. АІНПК — Oddělení dokumentace, Ústav dějin umění Akademie věd České republiky. Fond “Archeologický institut N. P. Kondakova”, Praha

Литература

- Бенедикти 1961 — *Бенедикти Р.* Византиноведение в Венгрии (1946–1959) // Византийский временник. 1961. Т. XX. С. 296–310.
- Бибиков 1979 — *Бибиков М. В.* Gy. Moravcsik. Einführung in die Byzantinologie. Budapest, 1976 // Византийский временник. 1979. Т. XL. С. 211–216.
- Горянов 1951 — *Горянов Б. Т.* Критический обзор журнала «Études Byzantines» и «Revue des Études Byzantines» за 1943–1948 гг. // Византийский временник. 1951. Т. IV. С. 159–171.
- Горянов 1957 — *Горянов Б. Т.* Gyula Moravcsik. Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn. Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-, Rechts- und Wirtschaftswissenschaften. Jg. 1955. № 4. Akademie-Verlag, Berlin, 1956 // Византийский временник. 1957. Т. XII. С. 326–329.
- Груздинская, Корзун 2019 — *Груздинская В. С., Корзун В. П.* «Юбилей, как мне кажется, станет общегосударственным событием...»: Документы по истории празднования 220-летия Академии наук СССР // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3. С. 281–293.
- Груздинская 2020 — *Груздинская В. С.* Юбилей Академии Наук СССР в 1945 г. в зеркале иностранных приветственных адресов // Россия XXI. 2020. № 2. С. 26–39.
- Доватур 1962 — *Доватур А. И.* Новый труд по вульгарной латыни // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1962. Т. X. № 1–3. P. 419–423.
- Иванов 1995 — *Иванов С. А.* Византиноведение и власть в СССР (1928–1948) // Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы / отв. ред. В. В. Марьина. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 244–254.
- Каждан 1959а — *Каждан А. П.* Byzantinoslavica — международный византиноведческий журнал (1947–1956) // Византийский временник. 1959. Т. XV. С. 216–237.
- Каждан 1959б — *Каждан А. П.* Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I: Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. Zweite durchgearbeitete Auflage (Berliner Byzantinistische Arbeiten, Bd. 10. Berlin, 1958. S. XXVI–II — 609) // Византийский временник. 1959. Т. XVI. С. 271–286.
- Каждан 1962 — *Каждан А. П.* Из истории византино-венгерских связей во второй половине XI в. // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1962. Т. X. № 1–3. P. 163–166.
- Ковалев 2017 — *Ковалев М. В.* Венгерские историки и русская академическая эмиграция: к постановке проблемы // Историческая русистика в XXI-м веке: Материалы десятой международной научной конференции будапештского Центра Русистики / отв. ред. Д. Свак. Будапешт: Russica Pannonica, 2017. С. 308–315.

- Корзун, Груздинская 2020 — *Корзун В. П., Груздинская В. С.* 220-й юбилей АН СССР в 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. № 2. С. 374–392.
- Левченко 1945 — *Левченко М. В.* Задачи современного византиноведения // Византийский сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 3–11.
- Литаврин 1960 — *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 475 с.
- Литаврин 1971 — *Литаврин Г. Г.* Gy. Moravcsik. Byzantium and the Magyars. «Akademiai kiado». Budapest. 1970. 148 p. // Вопросы истории. 1971. № 3. С. 194–196.
- Моравчик 1961 — *Моравчик Д.* Греческая грамота мамлюкского султана византийскому императору // Византийский временник. 1961. Т. XVIII. С. 105–115.
- Моравчик 1962 — *Моравчик Д.* Византийско-мамлюкские сношения в XV в. // Труды двадцать пятого Международного конгресса востоковедов. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. Т. I. С. 442–443.
- Паулова 1957 — *Паулова М.* Византиноведение в Чехословацкой республике за последние годы // Византийский временник. 1957. Т. XII. С. 291–304.
- Пигулевская 1960 — *Пигулевская Н. В.* Выдающийся труд по источниковедению (Gyula Moravcsik. Byzantinoturcica. I. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. XXVIII+ 609. II. Sprach reste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen. XXV + 376. Zweite durchgearbeitete Auflage. Akademie-Verlag. Berlin, 1958) // Палестинский сборник. Вып. 5 (68). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 147–150.
- Русинова 2008 — *Русинова Э. С.* Воспоминания о XXV Международном конгрессе востоковедов (1960 г.) // Письменные памятники Востока. 2008. Т. 1(8). С. 47–50.
- Стыкалин 2002 — *Стыкалин А. С.* Советская пропаганда и настроения интеллигенции стран Центральной Европы (вторая половина 1940-х годов) // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948 / отв. ред. В. В. Марьина, Л. Б. Милякова. М.: Наука, 2002. С. 38–60.
- Тихонов 2016 — *Тихонов В. В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
- Удальцова 1955 — *Удальцова З. В.* Основные проблемы византиноведения в советской исторической науке. X Международный конгресс по византиноведению. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 94 с.
- Удальцова 1956а — *Удальцова З. В.* Византиноведение в народно-демократической Болгарии (1944–1953) // Византийский временник. 1956. Т. VIII. С. 344–365.

- Удальцова 19566 — *Удальцова З. В.* X Международный конгресс византинистов в Истамбуле // Византийский временник. 1956. Т. X. С. 236–253.
- Удальцова 1959 — *Удальцова З. В.* XI Международный конгресс византинистов в Мюнхене // Византийский временник. 1959. Т. XVI. С. 395–401.
- Удальцова 1968 — *Удальцова З. В.* Научные итоги XIII Международного конгресса византинистов // Византийский временник. 1968. Т. XXVIII. С. 307–308.
- Шереш 2019 — *Шереш А.* Визит директора Института истории СССР профессора А. Л. Сидорова в Венгрию в 1956 году // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 147–152.
- Harmatta 1973 — *Harmatta J.* Moravcsik Gyula. 1892–1972 // Magyar Tudomány. 1973. 10. sz. 683–686. old.
- Harmatta 1994 — *Harmatta J.* Byzantium and the Ancient Hungarians: The Life-Work of Gyula Moravcsik // Byzance et ses voisins: Mélanges à la mémoire de Gyula Moravcsik à l'occasion du centième anniversaire de sa naissance (Acta Universitatis de Attila József nominatae opuscula Byzantina, IX). Szeged: Generalia, 1994. P. 7–10.
- Kazsdan, Litavrin 1961 — *Kazsdan A. P., Litavrin G. G.* Bizánc rövid története. Budapest: Gondolat Könyvkiadó, 1961. 316. old.
- Moravcsik 1926 — *Moravcsik Gy.* Orosz irodalom // Napkelet. 1926. 4. évf. 6. sz. 578.–581. old.
- Moravcsik 1933 — *Moravcsik Gy.* A görög és latin filológia magyar feladatai // Egyetemes Philologiai Közlöny. 1933. 57. kötet. 8.–24. old.
- Moravcsik 1947 — *Moravcsik Gy.* Византийский сборник, под редакцией проф. М. В. Левченко, Академия наук СССР, Институт Истории, Москва; Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1945 // Egyetemes Philologiai Közlöny. 1947. 70. évf. 145.–147. old.
- Moravcsik 1947/1948 — *Moravcsik Gy.* Byzantine studies in Hungary, 1939–1945 // Byzantinoslavica. 1947/1948. T. IX. P. 379–392.
- Moravcsik 1948a — *Moravcsik Gy.* А. А. Иессен, Греческая колонизация северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Ленинград, 1947 // Études Slaves et Roumaines. 1948. Vol. 1. P. 190–192.
- Moravcsik 1948b — *Moravcsik Gy.* А. А. Иессен, Греческая колонизация северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Ленинград, 1947 // Egyetemes Philologiai Közlöny. 1948. 71. évf. 139.–142. old.
- Moravcsik 1949a — *Moravcsik Gy.* Les taches actuelles de la byzantinologie // Byzantinoslavica. 1949. T. X. P. 1–10.
- Moravcsik 1949b — *Moravcsik Gy.* N. V. Pigoulevszkaja, Vizantija i Iran na rubeze VI i VII vekov. Moskva — Leningrad 1946 // Erasmus. 1949. Vol. 2. P. 583–596.
- Moravcsik 1949c — *Moravcsik Gy.* В. Д. Блаватский, Искусство северного Причерноморья античной эпохи. Москва, 1947 // Études Slaves et Roumaines. 1949. Vol. 2. P. 126–128.

- Moravcsik 1951a – *Moravcsik Gy.* A szovjet bizantinológia // A Magyar Tudományos Akadémia II. társadalmi-történeti tudományok osztályának Közleményei. 1951. I. kötet. 2. szám. 73.–96. old.
- Moravcsik 1951b – *Moravcsik Gy.* A szovjet bizantinológia // Akadémiai Értesítő. 1951. 58. kötet. 487. füzet. 282.–283. old.
- Moravcsik 1953 – *Moravcsik Gy.* Bizánc és a magyarság. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1953. 118. old.
- Moravcsik 1955 – *Moravcsik Gy.* L'état et les taches de la byzantologie // Byzantinoslavica. 1955. T. XVI. P. 1–19.
- Moravcsik 1956 – *Moravcsik Gy.* Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn. Berlin: Akademie-Verlag, 1956. 29 s.
- Moravcsik 1957 – *Moravcsik Gy.* З.В. Удальцова: Основные проблемы византиноведения в советской исторической науке. Москва, Издательство Академии НАУ СССР, 1955. 94 л. // Antik Tanulmányok. 1957. 4. kötet. 1–2. szám. 157. old.
- Moravcsik 1970 – *Moravcsik Gy.* Byzantium and the Magyars. Budapest – Amsterdam: Akadémiai Kiadó; Hakker, 1970. 147 p.
- Moravcsik 1976 – *Moravcsik Gy.* Einführung in die Byzantinologie. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1976. 186. old.
- Pigulevskaja 1962 – *Pigulevskaja N.* Byzantino-Syriaca: Die byzantinischen Quellender syrischen Chronik von Josua Stylites // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1962. T. X. № 1–3. P. 211–217.
- Tudorie 2016 – *Tudorie I.-A.* «Bucarest offre l'avantage d'un apostolat intellectuel immédiat et fécond»: un deceniu din istoria Institutului Francez de Studii Bizantine (1937–1947) // ARCHÆVS. Studies in the History of Religions. 2015–2016. T. XIX–XX. P. 409–463.

References

- Benedikty, R., 1961. Vizantinovedenie v Vengrii (1946–1959) [Byzantine Studies in Hungary (1946–1959)]. *Vizantiski vremennik*, 20, pp. 296–310. (in Rus.)
- Bibikov, M. V., 1979. Gy. Moravcsik. Einführung in die Byzantinologie. Budapest, 1976. *Vizantiiskii vremennik*, 40, pp. 211–216. (in Rus.)
- Dovatur, A. I., 1962. Novyi trud po vul'garnoi latyni [A new work on vulgar Latin]. *Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, 10, 1–3, pp. 419–423. (in Rus.)
- Gorianov, B. T., 1951. Kriticheskii obzor zhurnala “Études Byzantines” i “Revue des Études Byzantines” za 1943–1948 gg. [Critical review of the journal “Études Byzantines” and “Revue des Études Byzantines” from 1943 to 1948]. *Vizantiiskii vremennik*, 4, pp. 159–171. (in Rus.)
- Gorianov, B. T., 1957. Gyula Moravcsik. Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn. Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der

- Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-, Rechts- und Wirtschaftswissenschaften, Jg. 1955, no. 4, Akademie-Verlag, Berlin, 1956. *Vizantiiskii vremennik*, 12, pp. 326–329. (in Rus.)
- Gruzdinskaya, V. S., 2020. Iubilei Akademii Nauk SSSR v 1945 g. v zerkale inostrannykh privetstvennykh adresov [Jubilee of the USSR Academy of Sciences in 1945 in the mirror of foreign welcome addresses]. *Rossia XXI*, 2, pp. 26–39. (in Rus.)
- Gruzdinskaya, V. S., Korzun, V. P., 2019. “Iubilei, kak mne kazhetsia, stanet obshchegosudarstvennym sobytiem...”: Dokumenty po istorii prazdnovaniia 220-letii Akademii nauk SSSR [“The jubilee, it seems to me, will become a national event...”: Documents on the history of the celebration of the 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Istoricheskie nauki”*, 3, pp. 281–293. (in Rus.)
- Harmatta, J., 1994. Byzantium and the Ancient Hungarians: The Life-Work of Gyula Moravcsik. *Byzance et ses voisins : Mélanges à la mémoire de Gyula Moravcsik à l’occasion du centième anniversaire de sa naissance (Acta Universitatis de Attila József nominatae opuscula Byzantina, IX)*. Szeged: Generalia, pp. 7–10.
- Harmatta, J., 1973. Moravcsik Gyula. 1892–1972. *Magyar Tudomány*, 10, pp. 683–686.
- Ivanov, S. A., 1995. Vizantinovedenie i vlast’ v SSSR (1928–1948) [Byzantine Studies and Power in USSR (1928–1948)]. In: Mar’ina, V. V., Miliakova, L. B., eds. *Totalitarizm: istoricheskii opyt Vostochnoi Evropy*. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1995, pp. 244–254. (in Rus.)
- Kazhdan, A. P., 1959. Byzantinoslavica — mezhdunarodnyi vizantinovedcheskii zhurnal (1947–1956) [Byzantinoslavica — international Journal of Byzantine Studies (1947–1956)]. *Vizantiiskii vremennik*, 15, pp. 216–237. (in Rus.)
- Kazhdan, A. P., 1959. Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I: Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. Zweite durchgearbeitete Auflage (Berliner Byzantinistische Arbeiten, Bd. 10. Berlin, 1958. S. XXVIII — 609). *Vizantiiskii vremennik*, 16, pp. 271–286. (in Rus.)
- Kazhdan, A. P., 1962. Iz istorii vizantino-vengerskikh sviazei vo vtoroi polovine XI v. [From the history of Byzantine-Hungarian relations in the second half of the XI century]. *Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, 10, 1–3, pp. 163–166. (in Rus.)
- Kazhdan, A. P., Litavrin, G. G., 1961. *Bizánc rövid története*. Budapest: Gondolat Könyvkiadó, 316 p.
- Korzun, V. P., Gruzdinskaya, V. S., 2020. 220-i iubilei AN SSSR v 1945-m: stsenariï prazdnovaniia v sotsiokul’turnom kontekste epokhi [The 220th anniversary of the USSR Academy of Sciences in 1945: the scenario of celebration in the socio-cultural context of the era]. *Vestnik RUDN. Ser. Istoriia Rossii*, 2, pp. 374–392. (in Rus.)

- Kovalev, M. V., 2017 Vengerskie istoriki i russkaia akademicheskaia emigratsiia: k postanovke problem [Hungarian historians and Russian academic emigration: towards the formulation of the problem]. In: Svak, D., ed. *Istoricheskaia rusistika v 21-m veke: Materialy desiatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii budapeshtskogo Tsentra Rusistiki*. Budapest: Russica Pannonicana, pp. 308–315. (in Rus.)
- Levchenko, M. V., 1945. Zadachi sovremennogo vizantinovedeniia [The tasks of modern Byzantine studies]. In: *Vizantiiskii sbornik 1945*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 3–11. (in Rus.)
- Litavrin, G. G., 1960. *Bolgariia i Vizantiia v XI–XII vv.* [Bulgaria and Byzantium in the eleventh and twelfth centuries]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 475 p. (in Rus.)
- Litavrin, G. G., 1971. Gy. Moravcsik. Byzantium and the Magyars. "Akademiai kiado". Budapest. 1970. 148 p. *Voprosy istorii*, 3, pp. 194–196. (in Rus.)
- Moravcsik, Gy., 1949. Les taches actuelles de la byzantinologie. *Byzantoslavica*, 10, pp. 1–10.
- Moravcsik, Gy., 1949. V. D. Blavatskii, Iskusstvo severnogo Prichernomor'ia antichnoi epokhi. Moskva, 1947 [V. D. Blavatsky, The Art of the Northern Black Sea region of the ancient era. Moscow, 1947]. *Études Slaves et Roumaines*, 2, pp. 126–128.
- Moravcsik, Gy., 1949. N. V. Pigoulevskaia, Vizantiia i Iran na rubeze VI i VII vekov [N. V. Pigoulevskaia. Byzantium and Iran at the turn of the sixth and seventh centuries]. Moskva; Leningrad 1946. *Erasmus*, 2, pp. 583–596.
- Moravcsik, Gy., 1951. A szovjet bizantinológia. *Akadémiai Értesítő*, 58, pp. 282–283.
- Moravcsik, Gy., 1951. A szovjet bizantinológia. In: *A Magyar Tudományos Akadémia II. társadalmi-történeti tudományok osztályának Közleményei*, 1, 2, pp. 73–96.
- Moravcsik, Gy., 1953. *Bizánc és a magyarság*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 118 p.
- Moravcsik, Gy., 1955. L'état et les taches de la byzantologie. *Byzantoslavica*, 16, pp. 1–19.
- Moravcsik, Gy., 1956. *Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn*. Berlin: Akademie-Verlag, 29 p.
- Moravcsik, Gy., 1957. Z. V. Udaltsova: Osnovnye problemy vizantinovedeniia v sovetskoj istoricheskoi nauke. Moskva, Izd-vo Akademii NAU SSSR, 1955 [Z. V. Udaltsova: The main problems of Byzantine studies in Soviet historical science. Moscow, Publishing House of the Academy of NAU of the USSR, 1955]. *Antik Tanulmányok*, 4, 1–2, pp. 157.
- Moravcsik, Gy., 1961. Grecheskaia gramota mamliukskogo sultana vizantiiskomu imperatoru [Greek letter of the Mamluk Sultan to the Byzantine Emperor]. *Vizantiiskii vremennik*, 28, pp. 105–115. (in Rus.)
- Moravcsik, Gy., 1962. Vizantiisko-mamliukskie snosheniia v XV v. [Byzantine – Mamluk relations in the fifteenth century]. In: *Trudy dvadtsat' piatogo Mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov*, 1. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury, pp. 442–443. (in Rus.)

- Moravcsik, Gy., 1970. *Byzantium and the Magyars*. Budapest: Akadémiai Kiadó; Amsterdam: Hakkert, 147 p.
- Moravcsik, Gy., 1976. *Einführung in die Byzantinologie*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 186 p.
- Moravcsik, Gy., 1926. Orosz irodalom. *Napkelet*, 4, 6, pp. 578–581.
- Moravcsik, Gy., 1933. A görög és latin filológia magyar feladatai. *Egyetemes Philológiai Közlöny*, 57, pp. 8–24.
- Moravcsik, Gy., 1947. Vizantiiskii Sbornik, pod redaktsiei prof. M. V. Levchenko, Akademiia nauk SSSR, Institut Istorii, Moskva; Leningrad, Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1945 [The Byzantine Collection, edited by prof. M. V. Levchenko, Academy of Sciences of the USSR, Institute of History, Moscow; Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1945]. *Egyetemes Philológiai Közlöny*, 70, pp. 145–147.
- Moravcsik, Gy., 1948. A. A. Iessen, Grecheskaia kolonizatsiia severnogo Prichernomor'ia, ee predposylki i osobennosti. Leningrad, 1947 [A. A. Iessen, Greek colonisation of the Northern Black Sea region, its prerequisites and features. Leningrad, 1947]. *Études Slaves et Roumaines*, 1, pp. 190–192.
- Moravcsik, Gy., 1948. A. A. Iessen, Grecheskaia kolonizatsiia severnogo Prichernomor'ia, ee predposylki i osobennosti. Leningrad, 1947 [A. A. Iessen, Greek colonisation of the Northern Black Sea region, its prerequisites and features. Leningrad, 1947]. *Egyetemes Philológiai Közlöny*, 71, pp. 139–142.
- Moravcsik, Gy., 1947/1948. Byzantine studies in Hungary, 1939–1945. *Byzantinoslavica*, 9, pp. 379–392.
- Paulová, M., 1957. Vizantinovedenie v Chekhoslovatskoj respublike za poslednie gody [Byzantine studies in the Czechoslovak Republic in recent years]. *Vizantiiskii vremennik*, 12, pp. 291–304. (in Rus.)
- Pigulevskaja, N. V., 1960. Vydaiushchiisia trud po istochnikovedeniiu (Gyula Moravcsik. Byzantinoturcica. I. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. XXVIII+ 609. II. Sprach reste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen. XXV + 376. Zweite durchgearbeitete Auflage. Akademie-Verlag, Berlin, 1958) [Outstanding work on source studies (Gyula Moravcsik. Byzantinoturcica. I. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. XXVIII + 609. II. Sprach reste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen. XXV + 376. Zweite durchgearbeitete Auflage. Akademie-Verlag, Berlin, 1958)]. *Palestinskii sbornik*, 5. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 147–150. (in Rus.)
- Pigulevskaja, N., 1962. Byzantino-Syriaca: Die byzantinischen Quellen der syrischen Chronik von Josua Stylites. *Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, 10, 1–3, pp. 211–217.
- Rusinova, E. S., 2008. Vospominaniia o XXV Mezhdunarodnom kongresse vosto-kovedov (1960 g.) [Memoirs of the XXV International Congress of Orientalists (1960)]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 1, pp. 47–50. (in Rus.)

- Seres, A., 2019. Vízit direktora Instituta istorii SSSR professora A. L. Sidorova v Vengriiu v 1956 godu [Visit of the director of the Institute of History of the USSR, Professor A. L. Sidorov to Hungary in 1956]. *Noviaia i noveishaia istoriia*, 1, pp. 147–152. (in Rus.)
- Stykalin, A. S., 2002. Sovetskaia propaganda i nastroyeniia intelligentsii stran Tsentral'noi Evropy (vtoraia polovina 1940-kh godov) [Soviet propaganda and the sentiments of the intelligentsia of the countries of Central Europe (second half of the 1940s)]. In: Mar'ina, V. V., Miliakova, L. B., eds. *Totalitarizm: Istoricheskiĭ opyt Vostochnoi Evropy. "Demokraticheskoe intermetstvo" s kommunisticheskim finalom. 1944–1948*. Moscow: Nauka, 2002. pp. 38–60. (in Rus.)
- Tikhonov, V. V., 2016. *Ideologicheskie kampanii "pozdnego stalinizma" i sovetskaia istoricheskaia nauka (seredina 1940-kh — 1953 g.)* [Ideological campaigns of "late Stalinism" and Soviet historical science (the mid-1940s — 1953)]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 424 p. (in Rus.)
- Tudorie, I.-A., 2015–2016. "Bucarest offre l'avantage d'un apostolat intellectuel immédiat et fécond": un deceniu din istoria Institutului Francez de Studii Bizantine (1937–1947). *ARCHÆVS. Studies in the History of Religions*, XIX–XX, pp. 409–463.
- Udal'tsova, Z. V., 1955. *Osnovnye problemy vizantinovedeniia v sovetskoĭ istoricheskoi nauke. X Mezhdunarodnyi kongress po vizantinovedeniiu* [Main problems of Byzantine studies in Soviet historical science. International Congress on Byzantine Studies]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 94 p. (in Rus.)
- Udal'tsova, Z. V., 1956. Vizantinovedenie v narodno-demokraticheskoi Bolgarii (1944–1953) [Byzantine Studies in People's Democratic Bulgaria (1944–1953)]. *Vizantiiskii vremennik*, 8, pp. 344–365. (in Rus.)
- Udal'tsova, Z. V., 1956. X Mezhdunarodnyi kongress vizantinistov v Istambule [Xth International Congress of Byzantinists in Istanbul]. *Vizantiiskii vremennik*, 10, pp. 236–253. (in Rus.)
- Udal'tsova, Z. V., 1959. XI Mezhdunarodnyi kongress vizantinistov v Miunkhene [XIth International Congress of Byzantinists in Munich]. *Vizantiiskii vremennik*, 16, pp. 395–401. (in Rus.)
- Udal'tsova, Z. V., 1968. Nauchnye itogi XIII Mezhdunarodnogo kongressa vizantinistov [Scientific results of the XIIIth International Congress of Byzantinists]. *Vizantiiskii vremennik*, 28, pp. 307–308. (in Rus.)

Mikhail V. Kovalev

PhD, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A / Senior research Fellow, Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 117218, Novocheremushkinskaia Ulitsa, 34. E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Hungarian Byzantinist Scholar Gyula Moravcsik and Soviet Historical Science

In this article, the connections of Gyula Moravcsik (1892–1972), a great Hungarian Byzantinist, with Soviet historical science are reconstructed. Chronologically, the article is concerned with the period after World War Two, when Hungary fell into the orbit of Soviet political influence. However, the article outlines the origins of the formation of Moravcsik's contacts and explains the reasons for his interest in the work of Russian scientists, both of which began during the First World War, and then developed in the 1920s and 1930s. This article shows that politics had a direct impact on the dynamics of Moravcsik's contacts with Soviet scientists; immediately after the end of the Second World War, they were curtailed by ideological campaigns in the USSR and the atmosphere of late Stalinism, and only revived during the Thaw. Using specific examples, the main methods of intellectual interaction between Moravcsik and his colleagues from the USSR are demonstrated. The Hungarian scholar provided them with supporting information, helped them to study foreign historiography, and contributed to the publication of works by Soviet scholars in Hungary, and Hungarian works in the USSR. Moravcsik's work found many favourable responses in the USSR, and he himself closely followed the Soviet scientific literature and published his works in Russian, in particular in the famous review *Vizantiiskii Vremennik*. The circle of Soviet scientists with whom Moravcsik established the closest and strongest relations are outlined (including Boris Gorianov, Evgenii Kosminskii, Gennadii Litavrin, Nina Pigulevskaya, and Zinaida Udaltsova). It is shown that Moravcsik, even during the Cold War, advocated the development of international scientific relations and promoted the achievements of Russian and Soviet Byzantine studies. Moravcsik has always divided science and politics, and therefore the dramatic turns of the history of the twentieth century could not shake his positive and respectful attitude towards Russian historical science. Despite the fact that not all the possibilities of Moravcsik's cooperation with Soviet scholars were realised, the results of his contributions should be considered successful.

Keywords: historiography, international scientific relations, history of Byzantine studies, *Vizantiiskii vremennik*, Soviet-Hungarian academic institutional interactions, communicative field of science

How to cite: Kovalev, M. V., 2021. Vengerskii vizantinist Diula Moravchik i sovetskaia istoricheskaia nauka. *Tsentral'noevropeiskie issledovania*, 2021, 4(13), pp. 56–90. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.3.